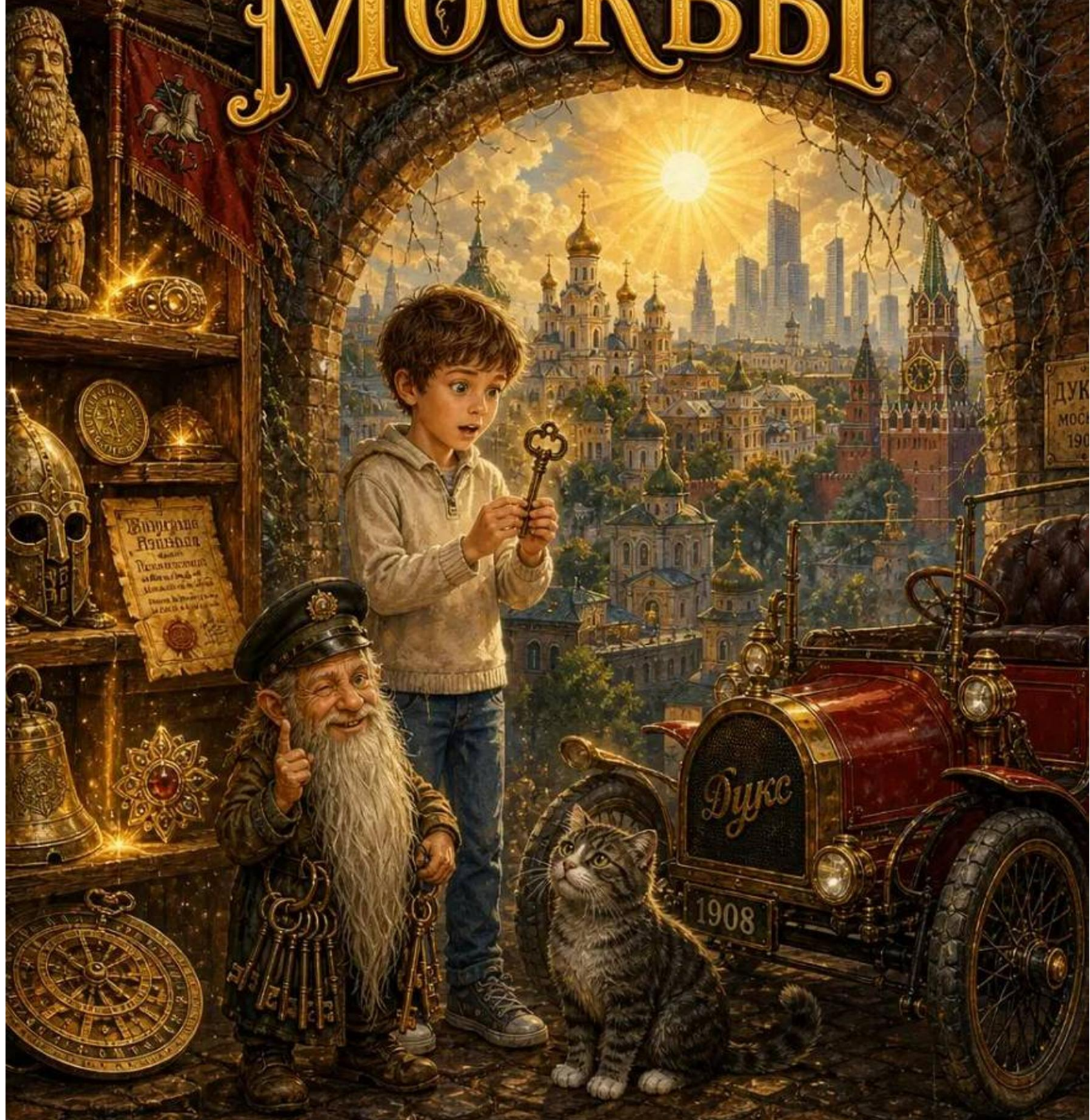

ЗАБЫТЫЕ СОКРОВИЩА МОСКВЫ

— 28 артефактов ♦ 28 путешествий ♦ 850 лет истории —

Автор: Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

Забытые сокровища Москвы

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Забывшие сокровища Москвы / С. В. Диковинный — «Автор»,
2026

Уважаемые читатели! Эта книга родилась из любви к Москве. Из желания рассказать детям о городе, в котором мы живём, — не скучно и назидательно, а живо и увлекательно. Мне хотелось, чтобы ребёнок, закрыв последнюю страницу, почувствовал: история — это не только учебник. Это живые люди, их судьбы, их мечты, их ошибки и победы. Это вещи, которые помнят прикосновение рук давно ушедших людей. Архип — хранитель — это образ памяти. Той самой, которая живёт в старых домах, в старых вещах, в названиях улиц и в куполах церквей. Память — это то, что делает город живым. Я надеюсь, что эта книга поможет вам и вашим детям поговорить о Москве. О её прошлом. О её настоящем. И о том, что каждый из нас — тоже часть её истории. С уважением, Сергей Диковинный

© Диковинный С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Забытые сокровища Москвы

Глава

Глава 1. Наследство

Митя сидел на подоконнике и смотрел, как по стеклу ползут капли дождя. За окном был обычный московский двор: серые панельные дома, ряды припаркованных машин, лужи. Ничего интересного.

— Мить, сходи за хлебом! — крикнула мама из кухни.

Митя вздохнул. Восемь лет — а уже гоняют за хлебом. Он надел куртку, взял деньги и спустился вниз. Дождь барабанил по козырьку подъезда. Митя мечтательно посмотрел на небо: хотелось приключений, хотелось куда-то поехать, хотелось... Чего-то большого.

Он ещё не знал, что это «большое» уже летит к нему в виде письма из нотариальной конторы.

— Сынок, ты только сядь, — сказал папа вечером за ужином.

Митя насторожился. Папа выглядел взволнованным. Мама рядом — тоже.

— Нам пришло письмо от нотариуса, — продолжил папа. — Мой двоюродный дедушка, генерал Романов, умер. Он оставил мне в наследство старую усадьбу в Москве. Мы с мамой съездили, посмотрели...

— И мы переезжаем! — радостно перебила мама.

Митя открыл рот.

— Куда? Зачем?

— В собственный дом! — мама засветилась. — Там парк, деревья, колонны! Настоящая усадьба! Мы продадим квартиру и переедем туда!

Митя не знал, радоваться или пугаться. Но мама уже мечтательно смотрела в потолок.

Первая поездка в усадьбу случилась в субботу. Машина остановилась у высоких кованых ворот. Папа вышел, отодвинул тяжёлый засов, и ворота со скрипом открылись.

Митя ахнул.

Перед ним стоял дом. Не какой-то там панельный, а настоящий двухэтажный особняк. У входа — четыре белые колонны, которые поддерживали портик. Высокие двери с бронзовыми ручками. Когда-то штукатурка была белой, но сейчас она потрескалась и местами обвалилась, обнажая тёмные деревянные брёвна. Крыша была покрыта заплатками.

— Он старый... — протянул Митя.

— Он великолепен! — возразила мама. И направилась к входу.

Внутри дома пахло деревом, пылью и временем. Митя стоял в центре огромного холла. Потолок был украшен лепниной — цветы, листья, какие-то завитки. Огромные бронзовые люстры висели на цепях. Широкая лестница вела на второй этаж, а её перила были сделаны из чугунного кружева.

Мама прошла по комнатам, погладила подоконник, провела рукой по стене.

— Здесь будет наш дом, — сказала она твёрдо.

Папа кивнул:

— Денег после продажи квартиры хватит только на минимальный ремонт. Но я обещаю: я заработаю, и мы отреставрируем всё!

Митя посмотрел на высокие потолки, на старую мебель — массивные шкафы, тяжёлые столы, кресла с облезлой кожей.

— А что, мебель тоже выбрасывать? — спросил он.

— Нет, — улыбнулся папа. — Отдадим на реставрацию. Когда-нибудь.

Два года они прожили в усадьбе. Папа зарабатывал, как мог — брал подработки, ездил в командировки. Мама работала в школе неподалёку. Дом постепенно оживал: полы перестали скрипеть, крыша больше не текла, в комнатах появился уют.

Митя обожал свой дом. Он забирался на чердак, рассматривал старые фотографии, которые остались от бабушки-генерала. На них были люди в военной форме, красивые дамы, какие-то балы. Митя любил сидеть на подоконнике в холле и смотреть на парк — вековые липы, разлапистые клёны.

Всё было хорошо. Пока однажды к ним не приехали гости.

Сначала во двор въехал огромный чёрный внедорожник. Из него вышел полный мужчина в дорогом костюме, а за ним — верзила в чёрной куртке с короткой стрижкой. Верзила выглядел так, будто работу свою делал очень хорошо и очень больно.

Мужчина представился:

— Борис Михайлович. Инвестор.

Он осмотрел дом и сказал:

— Значит так. Я строю в этом районе элитный жилой комплекс. Ваш участок мне нужен. Продайте дом — я заплачу в три раза больше рыночной стоимости. Вы будете богатыми людьми.

Папа покачал головой:

— Спасибо, но мы не продаём.

Борис Михайлович поморщился:

— Подумайте. Это прекрасное предложение.

— Нам нечего думать. Это наш дом.

Инвестор тяжело вздохнул и повернулся к верзиле:

— Гена, запиши. Романовы. Не согласны.

Гена кивнул и щёлкнул пальцами, глядя на папу мутными глазами.

Борис Михайлович пожал плечами:

— Жаль. Очень жаль. У вас будет время подумать... Но не много.

Он сел в машину и уехал.

С этого дня в доме начали происходить странные вещи. Через неделю приехали какие-то люди в форме и долго ходили вокруг дома. Потом папе пришло предписание: «Провести реставрацию в течение года, предоставить документы, подтверждающие культурную ценность объекта». Папа растерялся: как доказать? В архивы нужно запрашивать документы, а они неизвестно где... Это же годы!

А потом каждый день стал приезжать Гена. Он молча стоял у ворот и смотрел. Просто стоял и смотрел. Это было жутко.

Папа ходил мрачный. Мама — тоже. Митя слышал, как она шептала папе ночью:

— Серёжа, что нам делать? Этот Борис нас сожрёт.

Папа молчал. А Митя лежал в своей комнате и думал: ну как помочь? Как?

Как-то вечером он бродил по двору. Солнце садилось, деревья отбрасывали длинные тени. Митя обошёл дом и увидел то, что раньше не замечал: за домом, в зарослях плюща и дикого винограда, пряталась старая кованая дверь.

Она была железная, вся покрыта ржавчиной. Сбоку висел огромный замок — старый, кованный, из тех, что делали на заводе ещё при царе.

Митя подёргал замок. Он был заперт. Митя толкнул дверь — она не поддавалась.

— Интересно... — прошептал он.

Он надавил посильнее. Замок жалобно скрипнул... и открылся. То ли сам сломался, то ли засов давно не был задвинут до конца.

Митя потянул дверь на себя. Она со скрипом открылась, и изнутри пахло холодом, сыростью и чем-то древним.

За дверью начиналась каменная лестница, уходящая в темноту.

Митя замер. Сердце стучало. Ему было страшно, но любопытно — ещё страшнее.

Он нашёл у новой пристройки старый фонарик, зажал его в руке и пошёл вниз.

Лестница привела его в огромный подвал. Стены были выложены из старинного кирпича, потолок — сводчатый, как в старинных церквях. Вокруг лежали старые ящики, стопки газет, какой-то хлам.

Митя сделал шаг, другой... И вдруг в углу что-то блеснуло.

Два ярких золотых огонька вспыхнули в темноте.

Митя вскинул фонарик.

На старом сундуке сидел кот. Обычный серо-дымчатый полосатый кот с белыми «носочками» на лапах и надорванным ухом. И смотрел на Митю... ярко-золотыми глазами.

Кот открыл рот и произнёс:

— Ну наконец-то! Долго же ты шёл.

Митя выронил фонарик. Он, наверное, закричал бы, но не смог издать ни звука.

Кот снова заговорил:

— Чего замер? Дверь закрой, сквозняк. И кыш отсюда, а то холодно.

Из темноты раздался скрипучий голос:

— Васька! Ты опять безобразничаешь?

Митя прижался к стене. Из тени вышел... человечек. Маленький, ростом с кота. С длинной седой бородой. На голове у него была старая дворницкая фуражка-лубка с латунным значком. На плечах — тёмный рваный армяк, на ногах — сапожки со сбитыми каблуками. А в руках человечек держал огромную связку ключей — они звенели и волочились за ним по полу.

Человечек поставил связку на пол, упёр руки в бока и сказал строго:

— Ты, я вижу, Романов? А я — Архип. Хранитель этого дома.

Митя наконец обрёл голос:

— К-кто?

— Архип, говорю. Хранитель. А кот мой — Васька. Мы тут живём... давно.

— Вы... вы говорите? — прошептал Митя.

— А ты не говоришь, что ли? — усмехнулся кот Васька. — Это ты молчаливый больно. Я вот с тобой разговариваю — а ты только глазами хлопаешь. Напился бы валерьянки, что ли, для смелости.

Архип шикнул на кота и подошёл к Мите ближе. Посмотрел на него мудрыми глазами:

— Беда у вас, мальчик. Чувствую я: беда пришла. Рассказывай.

И Митя рассказал всё. Про Бориса Михайловича. Про Гену, который стоит у ворот. Про предписание и угрозы.

Архип слушал, и лицо его становилось всё темнее и темнее. Когда Митя закончил, Архип топнул ногой так сильно, что ключи звякнули:

— Ах он торгаш! Ах он проходимец! Да знаешь ли ты, что этот дом старше его прабабушкиных капиталов?! Здесь каждый камень — история! Здесь сама судьба Москвы дышит!

Кот Васька почесал лапой за ухом:

— Архип, ты бы не кипятился. А то опять мне под ребра вступит.

Архип отдышался и сказал:

— Слушай, Митя. У меня есть один способ сохранить ваш дом. Но он потребует от тебя смелости.

— Какой способ? — спросил Митя.

Архип посмотрел на него долгим взглядом:

— Этот дом имеет собственную душу. И эта душа связана с прошлым Москвы. Я умею открывать двери в это прошлое. А в прошлом есть вещи, которые считаются навсегда утраченными. Ты можешь найти их.

— Как? Зачем?

— Если мы наполним этот дом такими вещами, он станет музеем, памятником культуры. Тогда никто не посмеет его снести. А может, ещё и денег получим на реставрацию. Но не в деньгах дело! Дело в памяти! Мы должны сохранить память!

Митя задумался:

— А как же родители? Мама, папа? Они же ничего не знают.

— Пока не надо, — мягко сказал Архип. — Им и так тяжело. А нас они в подвале не видят, только если сами спустятся. — Он хитро прищурился. — А они сюда не спускаются. Боятся пауков.

Васька фыркнул:

— Мудрый ты, Архип. Только про пауков я прямо сейчас обиделся.

Архип не обратил на кота внимания. Он достал из связки самый старый ключ — весь зелёный, с какой-то древней резьбой.

— Ну, Митя Романов, — сказал он. — Готов ли ты отправиться туда, где начиналась Москва? На Боровицкий холм? В год 1147-й от Рождества Христова?

Митя почувствовал, как мурашки побежали по спине. Но он смело сказал:

— Готов.

— Тогда смотри.

Архип подошёл к стене в дальнем конце подвала. В кирпичной кладке Митя только сейчас заметил маленькую замочную скважину — такую старую, что она почти сливалась с кирпичом.

Архип вставил ключ. Повернул.

Стена вздрогнула. По кирпичам побежали трещины — но не разломы, а линии света. Они разошлись от скважины во все стороны, образуя огромную арку. И внутри арки вспыхнул тёплый золотистый свет.

— Ого... — прошептал Митя.

— Это первая дверь, — сказал Архип. — За ней — 1147 год. Москва ещё не Москва — маленькое поселение на холме. Но скоро здесь начнётся великая история. И ты будешь на неё смотреть.

Васька встал, потянулся и направился к арке:

— Ну, если мы идём в лес — то я с вами. Там, небось, мыши бегают, а я проголодался. И он первым шагнул в свет.

Митя обернулся на Архипа. Тот ободряюще кивнул:

— Иди. Я буду рядом. Артефакт сам найдёт тебя, если ты действительно готов.

Митя сглотнул, повернулся к арке... И шагнул в золотой свет.

Глава 2. Боровицкий холм

Митя сделал шаг в золотой свет арки — и... очутился на высоком холме.

Вокруг шумел лес. Высокие сосны и дубы стояли стеной, их кроны качались на ветру. Внизу блестела река — широкая, спокойная, переливающаяся на солнце.

Воздух был совершенно другой. Он пах травой, дымом и... лесом. Так пахло, наверное, только тысячу лет назад.

— Это что... — прошептал Митя. — Мы правда в прошлом?

— А ты сомневался? — раздался голос сзади.

Митя обернулся. Рядом стоял Архип — маленький, с бородой до пояса, в своей дворничьей фуражке. А у его ног сидел Васька и облизывал лапу.

— Холм как холм, — сказал кот. — Пахнет лесом, травой... А, да, и лошадьми. Много лошадей.

Митя посмотрел вниз. По берегу реки двигалась группа людей. Они были в длинных рубахах, поверх которых — плащи из грубой шерсти. У некоторых были копья и щиты. Лошади — невысокие, лохматые, но крепкие.

— Это они? — спросил Митя. — Это князь?

— Да, — кивнул Архип. — Но не простой князь. Это Юрий Долгорукий. Князь Суздальский и Ростовский. Он приехал сюда на совет с другим князем, Святославом Ольговичем. Он пригласил его в гости, в эти края. И именно здесь, на этом холме, они встретятся.

Митя смотрел на всадников. Они поднимались по склону холма.

Юрий Долгорукий был высоким, широкоплечим мужчиной с окладистой бородой. Одежда его была проще, чем у бояра, но на поясе висел тяжёлый меч в кожаных ножнах. Он смотрел вокруг внимательно, спокойно.

— Хорошее место, — сказал он. — Богатый холм. Высокий. Над рекой. Как раз для града.

Боярин рядом с ним возразил:

— Княже, здесь же глушь! Леса, болота. Люди живут — вятичи, рыбу ловят да зверя бьют. Не достоин этот холм такого князя!

Долгорукий покачал головой:

— Глушь подходящее место для крепости. Врагу будет трудно подойти. А отсюда, с холма, далеко видно.

— Далеко, — согласился боярин.

— Поэтому я и подумал: буду здесь град ставить. Москва.

У Мити мурашки побежали по коже. Он смотрел на этого человека, который только что сказал то, что изменит историю. Москва.

— Москва, — повторил Митя шёпотом.

— Да, — сказал Архип. — Сейчас здесь обычная земля. Леса, холмы. Но уже через несколько лет Долгорукий прикажет строить здесь крепость. И это место станет центром России. Понимаешь, Митя?

Митя кивнул. Он смотрел вниз на реку, на холм, на людей, которые готовили пир. Вдруг он почувствовал что-то странное.

Электричество.

— Архип, — сказал он. — Я что-то чувствую. Как будто...

— Идол, — ответил Архип. — Древний идол вятичей, которым поклонялись люди до прихода Долгорукого. Когда князь решил строить град, местные жители не захотели, чтобы их святыню уничтожили. Они спрятали его. И он до сих пор здесь, на этом холме. И, кажется, он тебя зовёт.

Митя посмотрел на Архипа.

— Я должен его найти?

— Не просто найти, — сказал Архип. — Ты должен его почувствовать. Понять. Тогда он сам выберет тебя.

Васька, который всё это время облизывался, поднял голову:

— Так я и думал. Опять про духи. Слушайте, а может, сходим сначала вон к тому костру? Там рыба какая-то жарится. Я слышу запах.

Митя рассмеялся, но тут же стал серьёзным. Он прислушался к себе. И вдруг почувствовал странное тепло в груди.

— Оно там, — сказал он. — Вон у того дуба.

Он указал на огромное дерево на краю поляны. Ствол был в два обхвата, ветви раскинулись в стороны, как руки.

Митя пошёл к дубу. С каждым шагом чувство усиливалось.

У подножия дерева была огромная куча опавших листьев и мха. Митя разгрёб её — и увидел в корнях дупло, скрытое ветками.

Он заглянул внутрь. Темнота. И вдруг — блеск. Что-то отразило свет солнца.

Митя сунул руку в дупло. Пальцы коснулись деревянной поверхности. Он вытащил... фигуру.

Это был идол. Вырезанный из цельного куска дуба. Человек с головой зверя — то ли волка, то ли медведя. Вокруг головы — лучи, как у солнца. На груди — вырезанные спирали и птицы.

Идол был тяжёлый и тёплый. Митя прикоснулся к нему — и вдруг... мир вокруг изменился.

Он не был больше на поляне. Он стоял в ещё более древнем лесу. Вокруг — высокие деревья, еле заметная тропинка. Вдоль тропинки стояли люди — в длинных одеждах, с ветками в руках. Они пели.

— Мать земля, — пели они. — Дай нам силу. Дай нам удачу. Пусть охота будет удачной. Пусть лес нас бережёт.

Митя видел, как они поклонялись дубу, на котором висели ленты и кости животных. И перед дубом стоял идол. Тот самый, который Митя держал сейчас в руках.

А потом видение изменилось. Митя увидел, как пришли строители. Они рубили деревья, ставили частокол. Пришёл князь Долгорукий. Он посмотрел на идола с неодобрением. Приказал снять его.

— Я не хочу, чтобы эта нечисть оставалась в моём граде! — сказал он. — Уберите это дерево! Сожгите!

Митя почувствовал страх местных жителей. Они не хотели отдавать идола. Ночью, тайком, они сняли его и спрятали в дупле огромного дуба. А сверху засыпали листьями, ветками, прикрыли мхом.

— Пусть лежит здесь, пока снова не наступит её время, — прошептал старик. — Когда придёт тот, кто поймёт.

Идол выбрал Митю.

Митя открыл глаза. Он стоял на поляне, прижимая идола к груди. Из глаз текли слёзы. Ему было и страшно, и радостно одновременно. Он чувствовал благодарность этих древних людей, их любовь к этому холму. И он чувствовал себя частью этой истории.

— Ты понял, — тихо сказал Архип. — Теперь он твой. — Он посмотрел на идола. — Он будет жить в вашем подвале. Он будет хранить дом так же, как хранил когда-то этих людей.

Митя посмотрел на идола. Тот больше не светился. Но он был тёплым — как будто дышал.

— А это точно не опасно? — спросил Митя.

— Опасно для врагов, — засмеялся Архип. — А для нас — большая удача. С ним нам никакой Борис Михайлович не страшен. Древняя сила будет жить в нашем доме.

Вдруг позади раздался треск веток. Митя обернулся. К поляне приближались всадники. С дикими глазами, с луками в руках. Это были не дружинники Долгорукого.

— Вятчи, — быстро сказал Архип. — Они заметили нас. Им не понравится, что кто-то трогает их святыню.

— Быстро назад! — крикнул Васька, и кот подпрыгнул на месте.

Митя прижал идола к себе и побежал. Архип бежал рядом, звеня ключами. Стрела просвистела над ухом Мити, вонзилась в землю прямо перед ним.

— Быстрее! — крикнул Архип. — Назад к арке! Верь! Просто верь!

Митя сжал идола, зажмурился и прыгнул вперёд...

...и приземлился на каменный пол подвала.

Рядом сидел запыхавшийся Архип, а у его ног, тоже запыхавшийся, сидел кот Васька.

— Фу-у-ух, — выдохнул кот. — Вот это бег трусцой. Надо было всё-таки зайти за рыбой. Хоть бы угостили на дорожку.

Митя посмотрел на идола в своих руках. Тёплый. Спокойный. Он сел на пол и прижал его к себе.

Было уютно. В этом доме, в этом подвале, среди пыли и паутины.

— Мы нашли его, — прошептал Митя.

— Да, — сказал Архип. — Мы сделали первый шаг.

Глава 3. Первый камень

— А теперь куда? — спросил Митя, всё ещё сжимая в руках тёплого идола вятчей.

Архип загадочно улыбнулся и достал из своей огромной связки новый ключ — массивный, с узором в виде ветвей и листьев. Он подошёл к стене подвала. На этот раз замочная скважина появилась сама — она будто проступила сквозь кирпичную кладку, засветилась золотом.

— Это дверь в 1156 год, — сказал Архип. — Год, когда Москва стала крепостью. Когда Боровицкий холм окружили стены. Когда родился Кремль.

— А что мы там найдём? — спросил Митя.

— Перстень, — ответил Архип. — Золотой перстень-печатку Юрия Долгорукого.

— А почему он там? — удивился Митя.

Архип вздохнул и присел на старый ящик. Васька тут же запрыгнул к нему на колени и замурлыкал.

— Когда князь решил строить крепость, он приехал на этот холм, — начал Архип. — Был праздник. Люди молились, приносили дары земле и реке. По древнему обычаю, в основание крепости нужно было положить что-то самое дорогое. Чтобы духи земли приняли дар и защищали стены вечно.

— И князь положил свой перстень? — догадался Митя.

— Да, — кивнул Архип. — Снял с пальца, поцеловал и опустил в яму, где должны были поставить первые брёвна. Сказал: «Пусть эта земля будет крепкой, как моё слово. Пусть Москва стоит вечно». Но в этот момент прискакал гонец с тревожными вестями. Князь ускорил, так и не дождавшись, пока яму засыпят. Перстень остался лежать в земле. И до сих пор там.

Васька приоткрыл один глаз:

— Ага. А теперь мы пойдём его выкапывать. А если там медведь? В 1156 году медведи были на каждом шагу.

— Не выкапывать, — поправил Архип. — Перстень должен сам выбрать Митю. Как идол. Только тогда он сможет забрать его.

Митя почувствовал, как сердце забилося чаще. Он всё ещё не до конца верил, что это происходит с ним по-настоящему. Но идол в его руках был тёплым. Настоящим.

— Я готов, — сказал он.

Архип вставил ключ в замочную скважину. Стена вздрогнула, кирпичи поплыли, складываясь в новую форму. Перед ними появилась массивная дубовая дверь с коваными полосами. На этот раз она была выше, массивнее — крепостная дверь.

Васька фыркнул.

— Крепкая дверь. Как для тюрьмы. Надеюсь, мы туда не попадём.

Архип толкнул дверь.

Митя шагнул в свет...

...и его оглушил шум.

Сотни голосов. Стук топоров. Ржание лошадей. Скрип телег.

Митя стоял на холме. Вокруг кипела работа. Люди в длинных рубахах таскали огромные брёвна. Другие тесали доски, копали землю, месили глину. Над холмом стоял густой запах свежей древесины, пота и земли.

— Вот она, стройка, — прошептал Архип. — Первая крепость Москвы.

Митя посмотрел вниз. Перед ним раскинулась река — широкая, сверкающая на солнце. А по берегам — бескрайний лес, тёмный, могучий.

— Как красиво... — выдохнул Митя.

— Красиво, — согласился Архип. — И опасно. В этих лесах водятся и волки, и медведи, и враги. Поэтому князь и строит крепость. Чтобы защитить людей.

Митя смотрел, как плотники ставят первые брёвна. Как землекопы роют ров. Как возчики подвозят новые брёвна на телегах.

— А где же перстень? — спросил он.

— Где-то там, — Архип махнул рукой в сторону строительства. — Под первым бревном. В самой земле. Яму засыпали, но перстень остался в ней.

Митя посмотрел на огромные брёвна. Каждое — в три обхвата. Их не поднять.

— Но как... — начал он.

— Ты должен почувствовать, — сказал Архип. — Идол выбрал тебя, потому что ты понял дух древних людей. Теперь ты должен почувствовать дух этого места. Москва здесь. Она ещё не родилась, но она уже здесь. Она ждёт.

Митя закрыл глаза. Он прислушался.

Шум стройки. Стук топоров. Голоса людей. Всё это сливалось в единый гул.

Митя попытался представить, что происходит под землёй. Глубоко, глубоко. Тёмная холодная земля. Камни. Корни деревьев. И где-то там... золотой перстень.

— Я чувствую его, — прошептал Митя. — Он тёплый. Как будто светится.

— Иди за ним, — сказал Архип.

Митя пошёл. Он не знал, куда именно идёт, но ноги сами несли его. Он обошёл стройку стороной, спустился с холма к реке, а потом снова поднялся. И остановился у подножия огромного дуба.

Он почувствовал это внезапно. Жар. Он словно стоял над костром.

Митя опустился на колени и положил ладони на землю.

— Здесь, — прошептал он.

Он начал копать. Земля была плотной, но Митины руки словно сами знали, что делать. Он разгрёб верхний слой, потом ещё и ещё... И вдруг его пальцы коснулись чего-то твёрдого, гладкого, холодного.

Митя вытащил находку.

Это был перстень. Золотой, тяжёлый. С тёмно-красным камнем, в котором играл свет. На камне был вырезан герб — лев, вставший на задние лапы.

Митя замер. Перстень был тёплым. Совсем как идол. И он словно пульсировал — медленно, спокойно, как сердце.

— Он выбрал тебя, — раздался голос Архипа.

Митя обернулся. Архип стоял рядом. Васька сидел у его ног и облизывался.

— Ты теперь хранитель целой эпохи, — сказал Архип. — Этот перстень — печать власти. С ним Москва признает наш дом. Он будет защищать нас от врагов.

— Но как он поможет с Борисом Михайловичем? — спросил Митя.

Архип хитро улыбнулся:

— Придёт время — увидишь. А теперь... нам пора. Уходим.

Но было поздно.

Из-за кустов вышли трое мужчин. Оборванные, с копьями в руках. Они явно прятались в лесу — разбойники, которых было много в этих местах.

— А ну стой, малец! — прорычал один. — Что у тебя в руке? Золото? А ну покажи!

Митя прижал перстень к груди.

— Не отдам! — крикнул он.

— Отдашь, — оскалился разбойник. — Или мы тебя самого здесь закопаем. Вместе с твоим золотом.

— Беги! — закричал Архип.

Митя рванул с места. Он бежал так быстро, как никогда в жизни. За спиной слышались топот и крики.

— Стой, малец! Не уйдёшь!

Митя не оборачивался. Он просто бежал. И бежал. И бежал.

— Верь! — кричал Архип, бежавший рядом. — Просто верь!

Митя сжал перстень в кулаке. Он почувствовал, как золото нагревается, становится почти горячим. Он зажмурился...

...и прыгнул.

А когда открыл глаза — он сидел на полу подвала, прижимая к груди перстень. Рядом сидели запыхавшиеся Архип и Васька.

— Ну, — выдохнул Васька. — Я теперь знаю, каково это — быть зайцем. Спасибо, не хочу.

Митя посмотрел на перстень. Тот лежал у него на ладони, тускло поблёскивая в темноте.

— Он красивый, — сказал Митя. — Он правда поможет?

— Правда, — ответил Архип. — Он уже помогает. Ты же сам это чувствуешь, верно?

Митя кивнул. Он чувствовал. Это было тепло. Спокойствие. Уверенность.

— Куда мы пойдём дальше? — спросил Митя.

— Я расскажу тебе, — сказал Архип. — Завтра. А сейчас иди спать. Твои родители уже, наверное, заждались. И лучше им пока не знать о нас.

Митя кивнул. Он аккуратно положил перстень на полку рядом с идиолом вятичей. И поднялся по лестнице, оставив двух своих новых друзей в темноте подвала.

— Хороший мальчик, — сказал Архип, глядя ему вслед.

— Хороший, — согласился Васька. — Слушай, а у него случайно нет валерьянки?

Глава 4. Серебряная чешуя

Прошло три дня.

Митя каждое утро просыпался, завтракал и шёл «гулять во двор». Но на самом деле он спускался в подвал — в огромный зал с колоннами, где его уже ждали Архип и Васька.

Они рассказывали ему о разных временах. О том, как Москва росла, как строилась, как переживала пожары и войны. И каждый раз Митя чувствовал, как в груди разгорается интерес.

— А когда мы пойдём куда-нибудь ещё? — спросил он на четвёртый день.

Архип загадочно улыбнулся. Он сидел на старом сундуке, перебирая ключи в своей огромной связке. Васька дрых у его ног, прикрыв лапой нос.

— Ну что ж, — сказал Архип. — Ты готов. Сегодня мы отправимся в 1326 год.

— А что там? — Митя пододвинулся ближе.

— Иван Калита, — ответил Архип. — Самый хитрый и самый богатый князь московский. Он собирал дань для Орды, но умел оставлять часть и себе. На эти деньги он строил храмы. А ещё — он убедил митрополита Петра переехать в Москву. С этого момента Москва стала духовным центром Руси.

— А что мы там найдём? — спросил Митя.

— Монету, — сказал Архип. — Серебряную чешуйку. Маленькую, с ноготь. Но в ней — вся сила Калиты. Его богатство, его умение накапливать, сохранять, приумножать.

— Монета... — разочарованно протянул Митя. — Но она же маленькая. Как она нам поможет?

— Маленькая, да удаленькая, — усмехнулся Васька, не открывая глаз. — Ты, главное, не теряй её. А то будет как с той копейкой, которую я закатил под шкаф в 1887 году. До сих пор ищут.

Архип вздохнул:

— Васька, ну кто тебя просил?

— Никто. Я сам решил. Это был мой выбор.

Митя рассмеялся. Он уже привык к странным разговорам кота.

— Ну что, готов? — спросил Архип, вставая.

Митя кивнул.

Архип выбрал из связки ключ — старый, с узором в виде башенок и крестов. Он подошёл к дальней стене зала. На этот раз замочная скважина проступила на уровне груди Мити — на высоте, куда Архип едва доставал.

— Помоги, — сказал он Мите.

Митя взял ключ и вставил его в скважину. Повернул.

Стена вздрогнула. Кирпичи поплыли, складываясь в новую форму. Перед ними появилась дверь — не деревянная, а каменная, с полукруглым верхом. Такие двери были в древних соборах.

— Это дверь в 1326 год, — сказал Архип. — Год, когда Москва стала сердцем Руси.

Архип толкнул дверь.

Митя шагнул в свет...

...и оказался на берегу Москвы-реки.

Но каким другим был этот берег! Вместо высоких каменных зданий — деревянные избы. Вместо асфальта — утоптанная земля. Вместо шума машин — скрип телег и крики торговцев.

А на холме — Кремль. Но не тот, что Митя видел на картинках. Маленький, деревянный, с низкими стенами. Над ним возвышался только один каменный собор — белый, сияющий на солнце.

— Это Успенский собор, — сказал Архип. — Калита начал его строить. Первый каменный храм Москвы.

— Он красивый, — сказал Митя.

— Красивый, — согласился Архип. — Но нам не туда. Нам — на торг.

Они спустились к реке, где шумел рынок. Кричали торговцы, мычали коровы, блеяли овцы. Везде пахло рыбой, мёдом, кожей.

— Как мы найдём монету здесь? — спросил Митя. — Тут же так много людей!

— Ты должен почувствовать её, — сказал Архип. — Как чувствовал идола. Как чувствовал перстень. Монета Калиты — не простая. Она хранит его энергию.

Митя закрыл глаза. Вокруг шумел торг. Голоса сливались в единый гул. Но Мите нужно было сосредоточиться.

Он представил Ивана Калиту. Богатого, хитрого, умного. Он держит в руках мешок с серебром. Перебирает монеты. Каждая — маленькая, серебряная, с неровными краями.

Митя почувствовал тепло. Оно шло откуда-то справа, откуда-то из-за прилавков.

Он открыл глаза и пошёл на это тепло. Торговец мёдом. Рядом с ним — мальчик, чуть старше Мити, в бедной одежде. Он стоял и смотрел на медовые соты с таким голодным лицом.

— Купи! — кричал торговец. — Свежий мёд! Сладкий! Два гроша!

Мальчик опустил глаза. Он был беден. У него не было даже двух грошей.

Митя почувствовал, как в его руке что-то появилось. Он разжал ладонь. На ней лежала монета. Маленькая, серебряная, с неровными краями — настоящая чешуйка Калиты.

— Возьми, — сказал Митя, протягивая монету мальчику. — Купи себе мёду.

Мальчик удивлённо посмотрел на Митю. Потом — на монету. Его глаза расширились.

— Это... это же серебро?! — прошептал он. — Ты правда отдаёшь мне это?

— Правда, — сказал Митя.

Мальчик взял монету дрожащими руками и подбежал к торговцу:

— Мне мёду! Вон тот кусок!

Митя улыбнулся. Он почувствовал странное тепло в груди. Ему было хорошо от того, что он помог этому мальчику.

— Ты отдал артефакт? — удивлённо спросил Архип.

Митя обернулся. Архип смотрел на него с странным выражением лица.

— Он был голодный, — сказал Митя. — Я не мог иначе.

Архип улыбнулся:

— Ты понял главное, Митя. Сила не в том, чтобы копить. Сила в том, чтобы отдавать. Калита копил, но он отдавал на строительство храмов. На защиту людей. На то, чтобы Русь стала сильной. Ты отдал монету — и получил взамен нечто большее.

— Что? — спросил Митя.

— Понимание, — сказал Архип. — А это — самый ценный артефакт, который ты мог принести домой.

Вдруг мальчик с мёдом снова появился рядом. Он протягивал Мите что-то маленькое, блестящее.

— Ты спас меня, — сказал он. — Возьми. Это всё, что у меня есть. Это память о моём отце. Он был серебряником.

Митя посмотрел на подарок. Это был маленький серебряный крестик на простой верёвочке. Он был стёрт временем, но всё ещё сиял.

— Спасибо, — прошептал Митя.

Мальчик улыбнулся, сунул в рот кусок мёда и убежал.

Митя посмотрел на крестик. Он был тёплым. Совсем как идол и перстень.

— Это и есть наш артефакт? — спросил он Архипа.

— Да, — ответил Архип. — Крестик серебряника. Сделан руками человека, который ковал монеты для самого Калиты. Он помнит звон молота, горячий металл и дыхание мастера. Он будет охранять наш дом от бедности.

Митя сжал крестик в кулаке.

— А монета? Мы же её не забрали?

— Ты её отдал, — сказал Архип. — И это было правильно. Монета сделала своё дело. Она накормила голодного. А крестик... крестик теперь будет хранить нас.

Где-то вдалеке заржала лошадь. Крикнул торговец. Митя почувствовал, как воздух вокруг начал вибрировать.

— Пора, — сказал Архип. — Мы уходим.

Митя кивнул. Он прижал крестик к груди, закрыл глаза и шагнул в свет...

...и оказался в подвале.

Он стоял у тайной ниши, держа в руках серебряный крестик.

— Ну что, — послышался голос Васьки из темноты. — Вернулись? А я тут мышь поймал. Вернее, она сама поймалась. Я просто сидел.

Митя улыбнулся и положил крестик на полку рядом с идиолом и перстнем.

— Как думаешь, — спросил он Архипа. — Сколько ещё артефактов нам нужно?

— Много, — ответил Архип. — Очень много. Чтобы наполнить весь этот зал. Чтобы дом стал настоящей крепостью. Но не спеши. Мы найдём их все.

Митя посмотрел на полку. Идол вятичей. Перстень Долгорукого. Крестик серебряника.

Три артефакта. Три эпохи. Три истории.

А впереди — целая Москва.

Глава 5. Золотой шлем

Митя стоял в огромном зале подвала и смотрел на полку.

Идол вятичей. Перстень Долгорукого. Крестик серебряника.

Три артефакта. Три эпохи. Три истории.

— Сегодня будет четвёртый, — сказал Архип, появляясь из темноты с Васькой на плече.

— Куда мы пойдём? — спросил Митя.

— В 1367 год, — ответил Архип. — К Дмитрию Донскому.

— К тому, который победил на Куликовом поле? — оживился Митя.

— К тому самому, — кивнул Архип. — Но в 1367 году он ещё не воевал с Ордой. Он строил Кремль. Белокаменный. Первый каменный в Москве.

— А почему он строил именно каменный? — спросил Митя.

— Потому что деревянный сгорал, — ответил Архип. — Москва горела много раз. Враги сжигали её дотла. Дмитрий решил, что стены должны быть такими, чтобы их нельзя было сжечь.

Васька, сидящий на плече Архипа, зевнул:

— Белый камень, серый камень... Главное, чтобы мыши не погрызли. Они, знаешь ли, и камень грызут. Я видел.

— Васька, — строго сказал Архип. — Не выдумывай.

— А я и не выдумываю. Я видел одного крота. Он такой камень грыз, что искры летели. Я сам видел.

Митя рассмеялся. Он уже привык, что Васька вечно что-то сочиняет.

— Ну что, готов? — спросил Архип.

Митя кивнул.

Архип достал из связки новый ключ — на этот раз он был не медный и не железный, а из белого камня, отполированный до блеска.

— Каменный ключ? — удивился Митя.

— Белокаменный, — улыбнулся Архип. — Ключ от Кремля Дмитрия Донского.

Новая замочная скважина появилась в стене. Митя вставил каменный ключ и повернул его.

Стена дрогнула. Кирпичи засветились, поплыли, складываясь в арку из белого камня. Перед ними открылся проход, залитый ярким солнечным светом.

Митя шагнул вперёд...

...и замер.

Он стоял посреди огромной стройки. Везде, насколько хватало глаз, поднимались стены из белого камня. Люди таскали тяжёлые блоки, лепили раствор, поднимали леса. Вокруг — лес, но уже не такой густой, как раньше.

А над всем этим возвышалась стена. Белая, мощная, с зубцами. Она была ещё не достроена, но уже внушала уважение.

— Это и есть белокаменный Кремль, — сказал Архип. — Дмитрий Донской начал строить его, когда ему было всего семнадцать лет.

— Семнадцать? — удивился Митя. — Он был такой молодой?

— Молодой, но сильный, — ответил Архип. — Он умел побеждать. И он знал, что Москва должна быть крепкой.

Митя смотрел на строителей. Они были мускулистыми, загорелыми, с сосредоточенными лицами. Каждый знал своё дело.

— А где мы найдём шлем? — спросил Митя.

— Шлем здесь, — ответил Архип. — Он был потерян одним из дружинников во время строительства. Упал в яму, когда стены только начинали возводить. Его засыпали землёй. Он до сих пор там, под первым рядом белого камня.

— И как мы его достанем?

— Чувствуй, — сказал Архип. — Ты уже знаешь, как это делается.

Митя закрыл глаза.

Он представил стройку. Тысячи людей. Грохот камней. Скрип телег. Коней. И — молодого князя Дмитрия. Он стоит на холме, смотрит на строительство.

Митя почувствовал тепло. Оно шло откуда-то справа, откуда-то из-за стены.

Он открыл глаза и пошёл.

Он обошёл стройку, прошёл мимо огромных каменных глыб и остановился у подножия стены. Здесь, под первым рядом белого камня, земля была плотной, утрамбованной.

Митя опустился на колени и положил ладони на землю.

— Здесь, — прошептал он.

Он начал копать. Земля была тяжёлой, но Митины руки словно сами знали, что делать. Он разгрёб верхний слой, потом ещё и ещё...

И вдруг его пальцы коснулись металла.

Митя вытащил находку.

Это был шлем. Золочённый, с острым навершием. По бокам — узоры: завитки, птицы, ветви. Шлем был тяжёлым, но Мите казалось, что он словно наполнен воздухом.

— Он красивый, — прошептал Митя.

— Это шлем дружинника, — сказал Архип, подходя ближе. — Он видел сражения. Он защищал голову человека, который верил в Москву. Он помнит, как его хозяин стоял на этой стене, смотрел вдаль и знал, что Москва будет крепкой.

Митя прижал шлем к груди.

— Можно я его надену? — спросил он.

— Попробуй, — улыбнулся Архип.

Митя поднял шлем и надел его на голову. Шлем был тяжёлым, но не слишком. Внутри пахло старой кожей и металлом.

Вдруг Митя почувствовал что-то странное. Шлем словно бы... ожил. Он начал показывать Мите картинки.

Митя увидел битву. Тысячи всадников. Крики, звон мечей, топот копыт. А впереди — молодой князь на белом коне. Он поднимает меч и кричит:

— За Москву!

А потом — мир. Поле. Тишина. Только ветер шелестит травой.

А потом — снова стройка. Белые стены поднимаются в небо. Люди работают. И среди них — молодой Дмитрий. Он держит в руках что-то золотое. Он смотрит на шлем и говорит:

— Пусть этот шлем защищает того, кто носит его. Пусть он напоминает ему о Москве.

Митя открыл глаза.

— Я видел его, — сказал он. — Я видел Дмитрия. Он был... он был как настоящий.

— Он и был настоящим, — сказал Архип. — Он живёт в памяти этого шлема. И теперь ты — часть этой памяти.

Митя снял шлем и посмотрел на него. Теперь он понимал, почему Архип говорит, что артефакты — это не просто вещи. Это — память. Это — душа.

И вдруг за спиной раздался крик.

Митя обернулся. К ним бежал человек в длинной рубахе. Он размахивал руками и кричал:

— Стой! Стой, малец! Ты что утащил?!

Митя прижал шлем к груди.

— Это мой шлем! — кричал человек. — Я его потерял! Отдай!

— Но это артефакт! — крикнул Митя. — Он нужен нам!

— Нам?! — человек подбежал ближе. — А ну отдай, а то я позову князя!

Митя не знал, что делать. Он посмотрел на Архипа.

— Беги! — крикнул Архип. — Я задержу его!

Митя рванул с места. Он бежал так быстро, как только мог. За спиной слышались крики. Но он не останавливался.

— Верь! — кричал Архип. — Просто верь!

Митя сжал шлем в руках. Он чувствовал, как металл нагревается. Он закрыл глаза и прыгнул...

...и приземлился на каменный пол подвала.

Он сидел на полу, прижимая к груди золочёный шлем. К нему подбежал запыхавшийся Архип. Сзади, тяжело дыша, подошёл Васька.

— Ну, — сказал кот. — Я теперь точно знаю, каково это — быть зайцем. И мне это не нравится. Опять.

Митя посмотрел на шлем. Он казался ещё красивее в темноте подвала.

— Он выбрал меня, — сказал Митя.

— Да, — ответил Архип. — Он выбрал тебя. И теперь он будет защищать наш дом.

Митя положил шлем на полку рядом с другими артефактами. Теперь там было четыре вещи: идол, перстень, крестик и шлем.

— Сколько ещё? — спросил Митя.

— Много, — ответил Архип. — Но не спеши. Мы найдём их все. Один за другим. Мы наполним этот дом историей.

Митя посмотрел на полку. И почувствовал, что теперь он стал частью чего-то большого. Очень большого. И очень важного.

Глава 6. Икона воина

Прошла неделя.

Митя уже привык к тому, что каждое утро он спускается в подвал. К тому, что Архип и Васька ждут его у тайной ниши. К тому, что они отправляются в путешествия по разным временам.

На полке в нише стояли четыре артефакта:

- Идол вятичей
- Перстень Долгорукого
- Крестик серебряника
- Золочёный шлем дружинника

Митя смотрел на них и чувствовал, как они наполняют дом теплом. Каждый артефакт был как кусочек пазла. И вместе они складывались в картину — большую, красивую, важную.

— Сегодня идём в 1380 год, — сказал Архип. — На Куликовское поле.

Митя замер.

— К Куликовской битве? — прошептал он.

— Да, — кивнул Архип. — К самой битве. Туда, где Дмитрий Донской победил Мамаю.

— Но... — Митя сглотнул. — Там же опасно. Там же битва. Кровь. Война.

Архип положил руку на плечо Мити:

— Мы не будем в самой битве, Митя. Мы придём туда, где войска собираются. Где Дмитрий благословляет своих воинов. Куда приходят провожать своих мужей, сыновей, отцов. Мы найдём икону-складень — маленькую, складную. Её дал воину его отец, когда провожал на битву. Сказал: «Пусть она защищает тебя». Воин потерял её в суматохе, уже после благословения. Она лежит в траве. Она ждёт.

— Она ждёт меня? — спросил Митя.

— Она ждёт того, кто заберёт её и сохранит память о том дне, — сказал Архип.

Митя кивнул.

— Я готов.

Архип выбрал ключ. На этот раз он был старым, потемневшим от времени, с узором в виде меча и креста.

— Ключ от 1380 года, — сказал Архип.

Митя вставил ключ в новую замочную скважину и повернул.

Стена дрогнула. Кирпичи поплыли, складываясь в арку...

...и Митя шагнул в свет.

Он стоял на краю огромного поля. Впереди, насколько хватало глаз, простиралась степь. Высокая трава колыбалась на ветру. А вдали — тучи пыли. Много туч. Это двигались войска.

Митя почувствовал запах дыма, пота и коней. Где-то ржали лошади. Кричали люди. Звенело железо.

— Где мы? — спросил Митя.

— На краю лагеря, — ответил Архип. — Русские войска собираются здесь. Завтра — битва. Сегодня — благословение.

Они пошли в сторону лагеря. Тысячи людей. Тысячи шатров. Костры. Воины в доспехах, с мечами и копьями.

Митя смотрел на них с восхищением и страхом. Они были такими разными — молодые и старые, богатые и бедные. Но все — с одним лицом. Серьёзным, сосредоточенным.

Они шли по лагерю, и Мите казалось, что он перенёсся в другой мир. Мир воинов. Мир героев.

— А где мы найдём икону? — спросил Митя.

— Чувствуй, — сказал Архип. — Ты знаешь, как это делается.

Митя закрыл глаза.

Он представил воина. Молодого, с русыми волосами. Он стоит на коленях перед священником. Отец протягивает ему маленькую складную икону. Говорит: «Пусть она защищает тебя».

И вдруг — суматоха. Крики. Воина зовут. Он вскакивает и бежит. Икона падает в траву. Он не замечает. Он бежит вперёд.

Митя почувствовал тепло. Оно шло откуда-то слева, откуда-то из высокой травы.

Он открыл глаза и пошёл.

Он прошёл мимо костров, мимо воинов, мимо телег с припасами. И остановился на краю лагеря, где трава была особенно высокой.

Митя опустился на колени и раздвинул траву.

И увидел её.

Маленькая икона-складень. Две створки, соединённые петлёй. Потемневшая от времени. Митя поднял её и осторожно раскрыл.

Внутри — лик святого. Стёртый, но всё ещё узнаваемый. Святой смотрел на Митю с тихой печалью и надеждой.

— Она ждала тебя, — сказал Архип, подходя ближе.

— Почему она потерялась? — спросил Митя. — Почему воин не заметил?

— В суматохе, — сказал Архип. — Он спешил на битву. Он думал о том, что ждёт его впереди. Он не заметил, как икона выпала из-за пазухи.

— Он погиб? — тихо спросил Митя.

Архип помолчал.

— Не знаю, — сказал он. — Но я знаю одно. Его отец подарил ему эту икону с верой в то, что она защитит его. И пусть воин потерял её — сам отец верил. Эта вера сильнее любой битвы.

Митя посмотрел на икону. Теперь она казалась ему не просто вещью. Она казалась ему... живой.

Вдруг рядом с ним раздался шорох.

Митя обернулся. Из травы на него смотрел мальчик. Чуть младше Мити. В простой одежде. Глаза — огромные, испуганные.

— Ты чего здесь? — спросил Митя.

— Я... я ищу своего брата, — прошептал мальчик. — Он ушёл на битву. Мама сказала, что я должен найти его и передать ему крест. Она сказала, что этот крест защитит его.

Мальчик показал на маленький деревянный крест, который сжимал в руке.

Митя посмотрел на мальчика. Потом — на икону в своих руках.

— Подожди, — сказал он. — А как зовут твоего брата?

— Андрей, — сказал мальчик. — Он дружинник князя Дмитрия.

Митя замер.

Дружинник. Молодой. Русые волосы.

— А как он выглядит? — спросил Митя.

— Он высокий, — сказал мальчик. — У него русые волосы. И он носит зелёный плащ. Мама сшила ему этот плащ перед битвой.

Митя сглотнул.

— Держи, — он протянул мальчику икону. — Это твоего брата. Он потерял её. Найди его и отдай. Пусть она защищает его.

Мальчик взял икону дрожащими руками. Его глаза наполнились слезами.

— Спасибо, — прошептал он. — Но... а ты как же? Разве она не твоя?

— Она теперь твоя, — сказал Митя. — Ты найдёшь своего брата. Я верю.

Мальчик улыбнулся, прижал икону к груди и убежал в сторону лагеря.

Митя смотрел ему вслед.

— Ты отдал артефакт? — спросил Архип.

— Да, — сказал Митя. — Он был нужнее мальчику.

Архип положил руку на плечо Мити:

— Ты понял, Митя. Сила не в том, чтобы забирать. Сила в том, чтобы отдавать. Икона сделала своё дело. Она вернулась к своему хозяину. И она всегда будет помнить, что ты спас её.

Митя почувствовал, как что-то теплое появилось в его кармане.

Он опустил руку и достал.

Это был маленький деревянный крест. Тот самый, который мальчик сжимал в руке. Он был тёплым.

— Он оставил его тебе, — сказал Архип. — В знак благодарности. Это его семейный крест. Но он отдал его тебе. Взамен иконы.

Митя посмотрел на крест. Он был простой, грубо вырезанный из дерева. Но — тёплый.

— Это и есть наш артефакт? — спросил Митя.

— Да, — сказал Архип. — Деревянный крест воина. Он помнит битву. Он помнит веру. Он будет охранять наш дом от страха.

Митя сжал крест в кулаке.

Вдалеке послышался звук трубы. Где-то закричали. Митя почувствовал, как воздух вокруг начал вибрировать.

— Пора, — сказал Архип. — Мы уходим.

Митя кивнул. Он прижал крест к груди, закрыл глаза и шагнул в свет...

...и оказался в подвале.

Он стоял у тайной ниши. В руках — деревянный крест.

— Ну что, — послышался голос Васьки из темноты. — Опять бегал? Я тут уже третью мышь ловлю. Вернее, наблюдаю, как она ловится сама.

Митя улыбнулся и положил крест на полку. Теперь там было пять артефактов.

— Как думаешь, — спросил он Архипа. — Икона найдёт своего хозяина?

— Конечно, — сказал Архип. — Она выбрала его. Так же, как крест выбрал тебя.

Митя посмотрел на полку. Идол. Перстень. Крестик. Шлем. Крест.

Пять артефактов. Пять эпох. Пять историй.

— Сколько ещё? — спросил он.

— Много, — ответил Архип. — Но главное — не количество, Митя. Главное — что ты чувствуешь, когда держишь их в руках. Ты чувствуешь связь с прошлым. Ты чувствуешь любовь к Москве. Ты чувствуешь силу.

Митя кивнул. Он чувствовал. И это было прекрасно.

Глава 7. Золотой крест зодчего

Митя сидел на полу подвала, скрестив ноги, и смотрел на полку с артефактами. Теперь там было пять вещей. Пять историй. Пять эпох.

Идол вятичей. Перстень Долгорукого. Крестик серебряника. Шлем дружинника. Деревянный крест воина.

— Сегодня будет шестой, — сказал Архип, подходя к нему.

— Куда мы пойдём? — спросил Митя.

— В 1475 год, — ответил Архип. — К Аристотелю Фиораванти.

— К итальянцу? — удивился Митя. — А что он делал в Москве?

— Строил Успенский собор, — сказал Архип. — Самый главный храм Москвы. Самый главный храм Руси. Иван Третий пригласил его из Италии, чтобы построить собор, которого ещё не видели на Руси.

— А почему нашёл именно итальянца?

— Потому что русские мастера не справились, — усмехнулся Архип. — Они построили собор, и он рухнул. Иван Третий рассердился и послал за лучшим зодчим Европы. А лучше всех тогда был Аристотель Фиораванти — человек, который умел строить так, что здания стояли веками.

Васька, лежащий на старом сундуке, зевнул:

— Итальянец, значит. А он случайно не умеет строить мышеловки? А то у меня в кладовке опять кто-то шуршит.

— Васька, — строго сказал Архип. — Мышеловки — это не к зодчему.

— Ну да, ну да, — фыркнул кот. — Все вы так говорите. А потом удивляетесь, почему мыши расплодились.

Митя рассмеялся.

— Ну что, готов? — спросил Архип.

Митя кивнул.

Архип достал новый ключ — необычный, с завитками и узорами, похожими на итальянские орнаменты.

— Ключ от 1475 года, — сказал он.

Митя вставил ключ в замочную скважину и повернул.

Стена дрогнула. Кирпичи поплыли, складываясь в арку. Митя шагнул вперёд...

...и оказался на холме.

Перед ним стоял Кремль. Уже не белокаменный, а с красными кирпичными стенами — такими, какими Митя привык видеть их на картинках. Но внутри Кремля — суeta. Крики. Стук молотков.

А в центре — огромное здание. Наполовину построенное. Леса. Камни. Раствор.

— Это Успенский собор, — сказал Архип. — Его строят уже четвертого года. Но он всё ещё не закончен.

Митя посмотрел на собор. Он был огромным. Даже наполовину построенный, он внушал уважение.

— А где Аристотель? — спросил Митя.

— Где-то там, — Архип махнул рукой в сторону стройки. — Маленький человечек с бородой, в странной одежде. Он говорит на непонятном языке. Но его понимают все. Потому что он показывает руками. И строит.

Они спустились к стройке. Кругом суетились люди. Таскали камни, месили раствор, поднимали блоки.

Митя смотрел по сторонам. Где же Аристотель?

И вдруг он увидел его.

Невысокий человек в длинной одежде, с бородой и умными глазами. Он стоял в стороне и внимательно смотрел на стену. В руках он держал какой-то странный инструмент — циркуль.

— Это он? — спросил Митя.

— Да, — сказал Архип. — Аристотель Фиораванти. Самый знаменитый зодчий своего времени.

Митя смотрел на итальянца. Тот подошёл к стене, провёл рукой по кладке, что-то пробормотал. Потом покачал головой и подозвал рабочих. Начал показывать руками — мол, вот здесь надо поправить, вот здесь убрать.

— Он не говорит по-русски? — спросил Митя.

— Не говорит, — сказал Архип. — Но это не мешает ему строить. Он умеет объяснять без слов.

Митя смотрел на зодчего. И вдруг он почувствовал тепло. Оно шло откуда-то справа, откуда-то от кучи камней.

— Я чувствую артефакт, — сказал Митя.

— Иди за ним, — кивнул Архип.

Митя пошёл. Он обошёл кучу камней, подошёл к стене, где лежали инструменты. И остановился.

Здесь, среди тёсанных камней, что-то блеснуло.

Митя опустился на колени и раздвинул щебень.

И увидел крест.

Маленький, золотой, на простой верёвочке. Он лежал среди камней, словно ждал, когда его найдут.

Митя поднял его. Крест был тёплым. Совсем как другие артефакты.

— Это крест Аристотеля, — сказал Архип, подходя ближе. — Он потерял его, когда осматривал кладку. С тех пор он каждый день ищет его, но не может найти. Этот крест он получил от своей матери перед отъездом из Италии. Она сказала: «Пусть он защищает тебя на чужой земле».

— Почему же он не найдёт? — спросил Митя. — Он же здесь, на виду.

— Он ищет не там, — улыбнулся Архип. — Он ищет в другом месте. А крест ждёт тебя.

Митя посмотрел на крест. Он был красивым — тонкая работа, узоры, маленький рубин в центре.

— Можно вернуть его? — спросил Митя. — Отдать Аристотелю?

— Ты можешь попробовать, — сказал Архип. — Но подумай. Если ты вернёшь крест, он останется в прошлом. А если заберёшь — он будет хранить наш дом. Как другие артефакты.

Митя задумался.

Он посмотрел на зодчего. Аристотель стоял у стены, хмурился, что-то чертил на дощечке. Он выглядел уставшим. Но в глазах горел огонь — огонь человека, который делает великое дело.

Митя подошёл к нему.

— Извините, — сказал он.

Аристотель обернулся. Увидел мальчика в странной одежде и удивлённо поднял брови.

Митя протянул ему крест.

— Это ваш, — сказал он. — Наверное.

Аристотель посмотрел на крест. Его глаза расширились. Он схватил крест дрожащими руками и прижал к груди. На глазах у него появились слёзы.

— Grazie, — прошептал он. — Grazie, ragazzo.

Митя не понял слов, но понял смысл. Аристотель был благодарен. Очень благодарен.

Зодчий снял с пояса маленький мешочек и протянул его Мите. Что-то звякнуло внутри.

Митя заглянул в мешочек. Внутри лежала монета — необычная, иностранная, с изображением человека в профиль.

— Это тебе, — сказал Архип. — Итальянская монета. Аристотель отдал её тебе в знак благодарности. Он не знает твоего языка, но хочет отблагодарить.

Митя посмотрел на монету. Она была тяжёлой, золотистой.

— Но это же... это же его монета, — сказал Митя.

— Он отдал её тебе, — ответил Архип. — Возьми. Это будет наш артефакт. Монета великого зодчего. Она помнит Италию. Помнит дорогу в Москву. Помнит, как её хозяин стоял на этом холме и смотрел на будущий собор.

Митя сжал монету в кулаке.

— Grazie, — сказал он Аристотелю.

Аристотель улыбнулся и кивнул. Потом повернулся и пошёл к стене. Работа продолжалась.

Митя смотрел ему вслед. Он чувствовал, что стал частью чего-то огромного.

— Пора, — сказал Архип. — Мы уходим.

Митя кивнул. Он прижал монету к груди, закрыл глаза и шагнул в свет...

...и оказался в подвале.

Он стоял у тайной ниши. В руках — золотистая монета.

— Ну что, — послышался голос Васьки. — Опять бегал? А я тут опять мышь ловил. Не поймал. Она хитрее меня.

Митя улыбнулся и положил монету на полку. Теперь там было шесть артефактов.

— Как думаешь, — спросил он Архипа. — Успенский собор получится?

— Получится, — сказал Архип. — Он до сих пор стоит. Ты же его видел. Только в будущем он выглядит немного иначе.

— Теперь я хочу увидеть его в будущем, — сказал Митя. — Настоящий.

— Увидишь, — пообещал Архип. — Когда мы соберём все артефакты, когда дом станет крепостью, — ты увидишь всю Москву. И Кремль, и собор, и всё-всё.

Митя посмотрел на полку. Идол. Перстень. Крестик. Шлем. Крест. Монета.

Шесть артефактов. Шесть эпох. Шесть историй.

— Сколько ещё? — спросил он.

— Много, — улыбнулся Архип. — Но мы справимся. Вместе.

Глава 8. Собиратель земли русской

На полке в тайной нише стояло уже шесть артефактов. Митя пересчитал их:
Идол вятичей.
Перстень Долгорукого.
Крестик серебряника.
Шлем дружинника.
Деревянный крест воина.
Монета Аристотеля Фиораванти.
— Шесть, — сказал Митя. — Уже шесть.
— И это только начало, — сказал Архип. — Сегодня будет седьмой.
— И куда мы пойдём?
— На реку Угру, — ответил Архип. — В 1480 год. К Ивану Третьему.
— К тому, который победил Орду?
— К тому, который не стал воевать, — поправил Архип. — Он просто стоял. И этого оказалось достаточно.
— Как это — стоял? — не понял Митя.
— Садись, — сказал Архип, присаживаясь на старый сундук. Васька тут же запрыгнул к нему на колени и замурлыкал. — Я расскажу тебе одну историю. Это была великая история. И в ней почти не было битв.

Митя сел напротив. Он любил, когда Архип рассказывал. Его голос был тихим и глубоким, как будто он сам жил в те времена.

— Двести пятьдесят лет Русь платила дань Орде, — начал Архип. — Страшное это было время. Князья ездили в Орду за ярлыком, как холопы. Города сжигали дотла. Людей уводили в рабство. Русь задыхалась.

— А потом?

— А потом вырос Иван Третий. Умный, волевой. Он понял, что так больше продолжаться не может. Он начал собирать русские земли. Один за другим князья признавали его власть. Ярославль. Ростов. Новгород. Тверь. Все присягнули Москве.

— А Орда?

— Орда ослабла. Хан Ахмат понял, что теряет власть. И решил нанести последний удар. Он собрал огромное войско и пошёл на Москву. Хотел покарать Ивана за то, что тот перестал платить дань.

— И что сделал Иван?

— Он вышел со своим войском навстречу. Они встретились на реке Угре. И встали на разных берегах. Каждый ждал, когда другой начнёт первым.

— И кто начал?

— Никто. Стояли день. Стояли два. Стояли неделю. Стояли месяц. Ахмат пытался перейти реку — Иван не давал. Стрелы летели, но войска не сходились. Это была не битва. Это было состязание нервов.

— И кто победил?

— Ахмат сдался первым. Он понял, что Иван не отступит. Что Русь больше не покорится. Он развернул своё войско и ушёл. Так закончилось иго.

— Просто стояли — и победили? — удивился Митя.

— Просто стояли, — улыбнулся Архип. — Но за этим стоянием стояло двести пятьдесят лет терпения. Сто лет собирания земель. Десять лет подготовки. И один человек, который верил в свою правоту.

Васька зевнул:

— Стоять — это я умею. Я целый день могу стоять. Особенно если рядом миска с молоком.

Митя рассмеялся. А потом спросил:

— А какой артефакт мы будем искать?

— Грамоту, — сказал Архип. — С золотой печатью. Эту грамоту Иван Третий подписал после того, как Ахмат ушёл. Он написал: «Отныне Русь — свободная земля. Никому не платим дань. Никому не кланяемся». Он приложил к грамоте свою золотую печать — символ новой власти.

— А как грамота оказалась в 1480 году? Разве он её не подписал после?

— Он подписал её, — сказал Архип. — Но не сразу. Он написал эту грамоту ещё до ухода Ахмата. Спрятал её в шатре. Думал: если придётся умереть — пусть эта грамота останется после него. Она затерялась в суматохе. Но мы её найдём.

Митя кивнул.

— Я готов.

Архип достал из связки новый ключ — золотистый, с узором в виде двух мечей, скрещённых под короной. Митя вставил ключ в замочную скважину и повернул.

Стена дрогнула. Кирпичи поплыли, складываясь в арку.

Митя шагнул вперёд...

...и оказался на берегу широкой реки.

Вокруг — лес. Тёмный, густой. Ветер шелестел листвой. Где-то кричали птицы.

А на противоположном берегу — тучи пыли. И тысячи огней. Это было войско Ахмата.

Митя почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Они там, — прошептал он. — Враги.

— Да, — сказал Архип. — Они там. Но они не перейдут реку. Наш берег охраняет русское войско.

Митя обернулся. На их берегу тоже был лагерь. Русские шатры. Костры. Воины в доспехах. Кони.

— А где Иван Третий? — спросил Митя.

— В своём шатре, — сказал Архип. — Он ждёт.

— Ждёт чего?

— Решения. Напасть первым или стоять до конца. Это трудное решение. Он должен быть сильным.

Митя закрыл глаза.

Он представил Ивана Третьего. Великого князя. Собирателя земель. Он сидит в шатре. Перед ним — карта. Он смотрит на неё. Его лицо сурово и сосредоточенно.

Митя почувствовал тепло. Оно шло откуда-то справа, откуда-то от шатра, стоявшего чуть в стороне от основного лагеря.

— Грамота там, — сказал Митя.

— Иди, — кивнул Архип.

Митя пошёл. Он обошёл лагерь, стараясь не привлекать внимания. Подошёл к большому шатру с золотым двуглавым орлом наверху.

Он осторожно откинул полог и заглянул внутрь.

В шатре было темно. Тускло горела свеча. На столе — карта. На походном кресле — плащ.

Митя вошёл внутрь. Он чувствовал тепло. Оно шло из-под стола.

Митя опустился на колени и заглянул под стол.

Там лежал свиток. Перевязанный алой лентой. С золотой печатью на шнурке.

Митя взял его дрожащими руками.

Он развернул грамоту. Буквы были старыми, но он всё равно смог прочитать:

«Отныне Русь — свободная земля. Никому не платим дань. Никому не кланяемся. Кто посягнёт на землю нашу — тот будет бит. Слово великого князя Ивана Васильевича. Печать золотая. Лето 6989»

Митя почувствовал мурашки по коже. Он держал в руках историю. Настоящую. Живую.

— Ты нашёл её, — раздался голос Архипа.

Митя обернулся. Архип стоял у входа в шатёр. Васька сидел рядом.

— Здесь написано... — Митя сглотнул. — Здесь написано, что Русь свободна.

— Да, — сказал Архип. — И это правда. Это самая главная правда. Русь свободна.

Вдруг снаружи послышались шаги. Кто-то шёл к шатру.

— Быстро! — крикнул Архип. — Беги!

Митя рванул с места. Он выскочил из шатра и побежал. За спиной послышались крики:

— Стой! Кто там был?!

Митя не останавливался. Он бежал, прижимая к груди грамоту. Ветки хлестали по лицу. Ноги путались в высокой траве.

— Верь! — кричал Архип, бежавший рядом. — Просто верь!

Митя сжал грамоту в руках. Он почувствовал, как печать нагревается. Он закрыл глаза и прыгнул...

...и приземлился на каменный пол подвала.

Митя сидел на полу, прижимая к груди свиток. Рядом стояли запыхавшиеся Архип и Васька.

— Ну, — сказал кот, отдышавшись. — Если мы так будем бегать от каждого стража, я к концу книги буду как борзая. Худой. Быстрый. Нервный.

Митя посмотрел на грамоту. Она была тёплой, как все артефакты, которые он находил.

— Она выбрала меня, — сказал он.

— Она выбрала тебя, — согласился Архип.

Митя подошёл к тайной нише и аккуратно положил грамоту на полку. Теперь там было семь артефактов.

Идол вятичей.

Перстень Долгорукого.

Крестик серебряника.

Шлем дружинника.

Деревянный крест воина.

Монета Фиораванти.

Грамота Ивана Третьего.

— Семь, — сказал Митя. — Семь историй.

— И это не предел, — сказал Архип. — Впереди ещё много. Москва большая. Москва древняя. Москва помнит всё.

Митя посмотрел на полку. На мгновение ему показалось, что артефакты светятся. Тёплым

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.